

Патрушев Сергей

Северная **кровь**

Сергей Патрушев

Северная кровь

«Автор»

2026

Патрушев С.

Северная кровь / С. Патрушев — «Автор», 2026

Проснуться в теле принцессы Севера не худший вариант, если не считать ледяного пола и отсутствия кофе. Дарья — финансовый аналитик в чужом теле. Пока местная знать ждёт от неё слёз и обмороков, она разгоняет фрейлин за опоздания, увольняет казначея за воровство и требует график поставок оленины. Но настоящий хаос начинается с появлением Дарка — дикого принца, который убивает медведя голыми руками и презирует корону. Он хочет лишь драк и эля. Она хочет сбалансированный бюджет. Северу нужен правитель с железным характером. Получив его, королевство рискует получить аудит, которого не знало веками.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ледяной сон и пробуждение	5
Глава 2. Королевский отбор	11
Глава 3. Принцесса с железным характером	18
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Сергей Патрушев

Северная кровь

Глава 1. Ледяной сон и пробуждение

Сознание возвращалось не вспышкой, а медленным, вязким оттаиванием, словно кусок льда, забытый на краю горячей сковороды. Первым пришел холод. Он не был пронизывающим сквозняком панельной многоэтажки, к которому привыкла Дарья. Это была тяжелая, монументальная стужа, пахнувшая озоном, смолой и старым, вековым камнем.

Вторым пришло ощущение тела.

Дарья попыталась пошевелить пальцами ног под одеялом и замерла. Мышцы отозвались не привычной офисной усталостью, а странной, звенящей легкостью, граничащей с головокружением. Она села на кровати, и тяжелый шелк ночной сорочки скользнул по коже.

Комната вокруг нее не имела ничего общего с ее съемной однушкой в Бибирево.

Потолок терялся в полумраке, поддерживаемый массивными балками из темного дерева, с которых свисали на толстых цепях кованые люстры. Сейчас они не горели, комнату заливал мертвенно-серый свет полярного утра, пробивающийся сквозь узкие, похожие на бойницы окна. Стены были обшиты панелями из кости и мореного дуба, инкрустированными сложным геометрическим узором. Огромный камин из черного гранита, в котором дотлевали угли, дышал сухим жаром, но он не мог победить царящий в спальне ледяной дух.

Повсюду были меха. Белые шкуры неизвестных Дарье зверей с длинным, мягким ворсом устлали пол, лежали на резных сундуках, свисали тяжелыми пологам с четырех столбов кровати. На кресле у камина небрежно брошена соболья накидка, от которой исходил густой, животный запах.

Дарья спустила ноги на пол. Ступни коснулись ледяного меха. Она была босиком.

Она поднесла руки к лицу. Это были не ее руки. Узкие, с длинными пальцами, идеальной формы ногти без следа лака, кожа бледная, почти прозрачная, с просвечивающими синими нитями вен. На безымянном пальце правой руки тускло поблескивал тяжелый платиновый перстень с крупным, мутным сапфиром.

Паника ударила под дых, выбив остатки сна. Дарья вскочила, путаясь в подоле сорочки, и бросилась к высокому, в человеческий рост, зеркалу в бронзовой раме, покрытой инеем по углам.

Из зазеркалья на нее смотрела чужая девушка.

Высокая, статная, с горделивой осанкой, которой у Дарьи отродясь не было из-за привычки сутулиться над клавиатурой. Длинные волосы цвета расплавленного золота тяжелой волной падали на грудь и спину, спутанные после сна. Лицо было правильным, аристократичным: высокие скулы, прямой нос, четко очерченный подбородок. Но глаза... Глаза были огромными, цвета тающего весеннего льда, и в них плескался первобытный, животный ужас.

— Каролина, — прошептала Дарья, и голос, сорвавшийся с губ, был ниже и бархатистее ее собственного. — Принцесса Каролина. Наследница Северного Королевства.

Это было невозможно. Это был бред, последствие переутомления. Вчера она сдала квартальный отчет, дописывала его до трех ночи, пила дешевый растворимый кофе и плакала в офисе, потому что начальник отдела, Илья Борисович, снова срезал премию. Потом была давка в метро, ледяной дождь, пустой холодильник. Она помнила, как упала на кровать, даже не раздеваясь, и провалилась в черную яму.

Она ущипнула себя за запястье. Больно.

Она со всей силы ударила кулаком по резному столбику кровати. Боль взорвалась в костяшках, на коже выступила ссадина, а на полированном дереве осталась белая отметина.

Реальность.

Дарья сделала несколько глубоких вдохов, пытаясь унять дрожь. Психолог из корпоративного чата назвал бы это «синдромом выгорания» или «острым диссоциативным расстройством». Дарья, выросшая на фэнтези, знала этому другое название — попаданство. Но одно дело читать о нем, уютно завернувшись в плед с кружкой чая, и совсем другое — стоять босиком на ледяном меху в чужой спальне, чувствуя, как чужое сердце колотится о ребра.

Нужно было одеться. Нужно было понять, что знает тело принцессы.

Она подошла к резному гардеробу. Дверцы распахнулись с тяжелым вздохом. Внутри, на бархатных плечиках, висели платья из плотного сукна, отделанные мехом горностая, корсеты из китового уса, шелковые нижние рубашки. Одежда была тяжелой, неудобной, рассчитанной на вечную зиму.

Дарья выбрала самое простое платье — из темно-синего бархата, без лишних рюшей, но с искусной вышивкой серебряной нитью по подолу, изображающей выюгу. Она знала, как надевать современную одежду. Эта конструкция из шнурков, нижних юбок и жесткого корсета казалась орудием пытки.

Она возилась с завязками, шипя от боли, когда костяной крючок корсета впивался в бок, когда тяжелая дубовая дверь спальни с грохотом распахнулась.

В комнату ворвался холод.

На пороге стоял мужчина. Высокий, широкоплечий, в походном кожаном дублете поверх кольчужной рубахи. Его лицо, обветренное и покрытое сеткой ранних морщин, было суровым, как скалы фьорда, но глаза — такие же ледяные, как у Дарьи в отражении — смотрели с неприкрытой, почти болезненной нежностью.

Король Нейлис.

Дарья знала это, не читая мыслей. Знание всплыло из глубин чужого подсознания, как пузырек воздуха из-под льда. Ее отец. Король Севера. Человек, который десять лет назад утопил в крови мятеж южных баронов и лично снес голову их предводителю на главной площади столицы.

— Каролина, — его голос был густым, как старый мед, с рокочущим северным акцентом. Он шагнул в комнату, и стража, маячившая в коридоре, осталась за порогом. Дверь закрылась, отрезая их от мира. — Ты еще не одета?

Он окинул ее быстрым, цепким взглядом, задержавшись на растрепанных волосах и незашнурованном корсете. Уголки его суровых губ дрогнули в подобии улыбки. — Опять всю ночь читала эти пыльные свитки в библиотеке? Я же говорил, от них сохнут глаза и портится цвет лица. Ты должна сиять, а не походить на бледную моль.

Дарья стояла, парализованная. Мозг лихорадочно перебирал варианты. Сказать правду? «Простите, Ваше Величество, я вообще-то Дарья из Москвы, ваш бухгалтер в прошлой жизни, и понятия не имею, как зашнуровывать этот пыточный инструмент»? Ее, скорее всего, примут за одержимую демонами и сожгут на костре. Или утопят в проруби, что в условиях Северного Королевства гораздо логичнее.

— Я... я плохо спала, отец, — голос прозвучал ровно. Дарья сама удивилась, как легко далась ей эта ложь. Тело принцессы помнило, как лгать королям. — Голова немного кружится.

Нейлис подошел вплотную. Он был выше ее на полголовы. От него пахло морозом, железом и можжевельником. Он взял ее лицо в свои огромные, покрытые шрамами ладони. Его пальцы были грубыми, но прикосновение — бережным.

— Ты бледнее обычного, — нахмурился он, большим пальцем стирая несуществующую пылинку с ее скулы. — Опять отказывалась от ужина? Каролина, ты должна есть. Ты должна быть сильной. Север не прощает слабости. Ни в народе, ни в крови.

— Я съела бульон, — послушно ответила Дарья, стараясь не дышать.

Король удовлетворенно кивнул и отпустил ее лицо, но его взгляд снова стал тяжелым, оценивающим. Он прошелся по комнате, взял с кресла соболью накидку и сам накинул ее на плечи Дарьи. мех окутал ее теплом.

— Сегодня важный день, — произнес Нейлис, поворачиваясь к окну. За стеклом клубилась серая метель. — Ветер злой. Хороший знак.

— Какой день? — тихо спросила Дарья, плотнее запахивая накидку.

Нейлис резко обернулся. В его ледяных глазах на секунду мелькнуло раздражение, тут же сменившееся терпеливой усталостью отца, в сотый раз объясняющего очевидное капризному ребенку. — Каролина, не испытывай мое терпение. Ты прекрасно знаешь. Сегодня третий день смотрин. Третий претендент.

Слово «смотрины» ударило Дарью обухом по голове. Она знала и об этом. Память принцессы услужливо подбросила детали: Южный Союз, истощенный войной и неурожаями, присылает своих лучших рыцарей и младших сыновей. Нейлис ищет для дочери не любовь. Он ищет политический якорь. Южане должны стать вассалами Севера, чтобы их зерно не дало их мятежным графам поднять голову снова. А Каролина — разменная монета, самый жирный кусок этого договора.

— Ах, да, — Дарья заставила себя выдавить улыбку. Губы принцессы помнили, как изгибаться в придворной усмешке. — Очередной южный щенок.

— Не смей так говорить, — голос Нейлиса стал стальным. — Этот «щенок» — младший сын герцога Валантайна. Его родословная чище нашей с тобой, девочка. Он привез богатые дары. Золото, которое пойдет на новые кузницы. Шерсть, чтобы одеть мою армию. И он молод. Красив, по их, южным, меркам. Это хороший союз.

— Я знаю, отец, — покорно склонила голову Дарья. Внутри нее все кричало от абсурдности ситуации. Бывший начальник Илья Борисович, требовавший переделать презентацию, казался сейчас милым и понятным. — Я просто волнуюсь.

— Волнение — удел торговков на рынке, — отрезал король. — Ты — принцесса. Твое лицо должно быть гладким, как лед на озере в безветренный день. Твои слова — острыми, как иглы сосны. Сегодня он будет держать ответ перед двором. Он будет клясться в верности. И ты, Каролина, должна будешь принять его клятву.

Он подошел к двери и распахнул ее. В коридоре, освещенном факелами, стояли двое гвардейцев в тяжелых латах и меховых плащах.

— Через час завтрак. Я жду тебя в Малой столовой. Не опаздывай. И прикажи служанкам сделать что-нибудь с твоими волосами. Ты похожа на дикарку из-за Стылого Хребта.

Дверь закрылась.

Дарья осталась одна.

Она медленно сползла по резному столбику кровати на пол, прямо на шкуры. Сердце, только что колотившееся от паники, теперь ухало медленно и тяжело, как большой церковный колокол.

Третий претендент. Суд двора.

Она посмотрела на свои руки. На тяжелый сапфир.

Дарья работала младшим финансовым аналитиком. Она умела сводить дебет с кредитом, находить ошибки в налоговых декларациях и виртуозно делать вид, что работает, когда на самом деле смотрела сериалы. Она знала, как составить график выплат по ипотеке, но понятия не имела, как принять вассальную клятву.

Паника снова подступила к горлу липким комом. Хотелось забиться под меховые одеяла, закрыть глаза и проснуться в своей кровати под звук дешевого китайского будильника.

Но под ней были шкуры белого зверя. За окном выл северный ветер. А в животе уже урчало от голода — тело принцессы требовало своей утренней порции горячего мяса и ягод.

Дарья с силой ударила кулаком по полу. Дерево отозвалось глухим стуком. Боль в костяшках отрезвила.

Она — Дарья. Она разумный, взрослый человек. Она попала в тело восемнадцатилетней девчонки, которую всю жизнь готовили к тому, чтобы стать красивой куклой в политическом театре. Но мозг-то остался при ней.

Принцесса Каролина, судя по обрывкам памяти, была... удобной. Тихой, бледной, любящей книги больше, чем балы. Идеальная жертва для династического брака. Никто не ждет от нее демаршей. Никто не ждет, что она начнет цитировать налоговое право или требовать аудита королевской казны.

Это ее единственное оружие. Эффект неожиданности.

Дарья поднялась. Подошла к зеркалу. Посмотрела в ледяные глаза.

— Хорошо, — сказала она своему отражению. — Будем играть по их правилам. Но со своими картами.

Она дернула за витой шелковый шнур, свисавший у двери. Где-то в глубине покоев тонко тренькнул колокольчик.

Через минуту в спальню, шурша юбками, вбежали две девушки в простых шерстяных платьях. Одна несла медный таз с водой, другая — стопку льняных полотенец.

— Доброе утро, Ваше Высочество, — хором пропели они, делая книксен.

— Доброе, — кивнула Дарья, скидывая с плеч соболью накидку прямо на пол. — Воду для умывания погорячее. И позовите мою камеристку. Мне нужно платье.

— Какое изволите, Ваше Высочество? — пролепетала одна из служанок, дрожащими руками поливая ей на ладони из серебряного кувшина. — Синее бархатное, что вы начали? Или парадное, с горностаем?

— Нет, — Дарья плеснула ледяной водой в лицо, смывая остатки сна и чужого страха. — Сегодня я буду выглядеть как принцесса, а не как вдова. Достань серебряное платье. То, с высоким воротом и вышивкой из лунного камня. И корсет не затягивать до обморока. Мне нужно дышать, чтобы говорить.

Служанки переглянулись. В их глазах мелькнуло удивление. Обычно принцесса Каролина позволяла затягивать себя так, что падала в обмороки через час после начала любого пира.

— Слушаюсь, Ваше Высочество.

Пока ее раздевали, умывали розовой водой и расчесывали тяжелые золотые волосы, Дарья молчала, позволяя телу принцессы руководить мелкими движениями. Она запоминала имена служанок — Лия и Марта. Запоминала расположение дверей.

Когда серебряное платье — тяжелое, холодное, струящееся при каждом шаге — было надето, а волосы уложены в сложную, но строгую прическу, открывающую шею, Дарья снова подошла к окну.

Метель билась в стекло, рисуя на нем белые узоры. Город внизу, который она видела лишь краем глаза принцессы, казался нагромождением темных камней, припорошенных снегом. Это был не ее мир. Здесь не было интернета, кофеен и права на ошибку. Здесь за ошибку платили жизнью.

Она посмотрела на свое отражение в темном стекле. Серебряное платье делало ее похожей на статую, на изваяние древней богини зимы.

— Лия, — позвала Дарья, не оборачиваясь.

— Да, Ваше Высочество?

— Что привез этот... герцогский сын? Кроме золота и шерсти.

Лия замялась, бросив испуганный взгляд на Марту. — Говорят, Ваше Высочество, он привез редкую птицу. Певчую. Из-за Жемчужного моря. И... книгу.

— Книгу? — Дарья резко повернулась. — Какую книгу?

— Не могу знать, — пролепетала служанка. — Говорят, переплет из черной кожи, без названия.

Книга. Это зацепка. Южане кичатся своим вином и тканями, но редкие книги — это валюта ученых и магов. Если Южный Союз присылает книгу, значит, они боятся чего-то. Или чего-то ищут.

— Принеси мне завтрак сюда, — приказала Дарья. — И скажи капитану гвардии, что я желаю осмотреть новые катапульты на Восточной стене сразу после завтрака.

— Но... Его Величество ждет вас в Малой столовой... И катапульты — это не место для принцессы. Там холодно и пахнет дегтем.

Дарья улыбнулась. Это была холодная, спокойная улыбка, от которой у служанки по имени Лия побелели губы.

— Передай Его Величеству, что принцесса Каролина решила начать день с заботы о северных границах. А запах дегтя, Лия, гораздо лучше запаха гниющих интриг. Иди.

Служанки вылетели из комнаты, едва не столкнувшись в дверях.

Дарья осталась одна. Она подошла к письменному столу из мореного дуба, который стоял в углу, заваленный свитками. Память Каролины подсказывала, что принцесса редко сюда садилась, предпочитая читать в библиотеке на мягких подушках.

Она выдвинула ящик. Перья, чернильница, стопка дорогой бумаги. И под бумагой — холодное лезвие стального стилета.

Дарья не взяла его. Стиллет — это оружие отчаяния. А она не собиралась отчаиваться.

Она села в кресло, расправив складки серебряного платья. До завтрака с отцом оставался час. До смотрин во дворе — три.

Она взяла чистый лист бумаги, обмакнула перо в чернила и, вспоминая университетские лекции по макроэкономике, которые когда-то слушала, чтобы не вылететь с бюджета, начала писать.

Она составляла список.

«1. Экономика. Валюта Севера — серебряные гривны. Южане платят золотом. Курс обмена. Кто контролирует меняльные лавки у порта? (Проверить на связь с казначеем). 2. Логистика. Зерно из Союза. Где основные склады? Кто охраняет? Если Нейлис умрет завтра, через сколько недель в столице начнется голод? 3. Армия. Катапульты. Сколько их на самом деле? Память Каролины говорит — двадцать. Король Нейлис вчера обмолвился о сорока. Куда делись еще двадцать? 4. Претендент. Герцог Валантайн. Зачем ему этот союз? Южный Союз горд. Они не любят кланяться. Что они получают, кроме отсрочки по старым долгам? Книга. Узнать о книге».

Она писала быстро, убористым, совсем не девичьим почерком, используя сокращения.

Когда Лия вернулась с подносом, на котором дымилась миска с густой мясной похлебкой и лежали лепешки с моршковым вареньем, Дарья как раз дописывала последний пункт.

Служанка замерла на пороге, глядя на принцессу, склонившуюся над расчетами с видом старой счетоводши.

— Ваше Высочество... похлебка...

— Поставь, — не поднимая головы, бросила Дарья. — И позови ко мне мастера Торина. Главного корабеля. Скажи, что я хочу знать осадку новых драккаров. Немедленно.

Она отложила перо и, наконец, взяла ложку. Похлебка была горячее, жирной, с кусками оленины и диким луком. Вкус был непривычным, тяжелым, но Дарья заставила себя съесть все до последней капли. Ей нужны были силы.

Снежная буря за окном набирала силу, полностью скрывая очертания города. Ветер выл в дымоходе, и пламя в камине металось, отбрасывая на костяные панели стен причудливые, дергающиеся тени.

Дарья вытерла губы льняной салфеткой.

Первый раунд был за ней. Она не упала в обморок. Не закатила истерику. Она заставила короля ждать, нарушила протокол и начала собирать информацию.

Она посмотрела на свои руки. Чужие, идеальные, аристократичные руки.

— Что ж, Каролина, — тихо сказала она пустой комнате. — Похоже, твой сон закончился. Теперь спать буду я. А ты — работать.

Она встала, одернула тяжелый серебряный подол и направилась к двери. Впереди был завтрак с суровым отцом, который считал ее бледной молью, и день, полный придворных шакалов.

Дарья поправила на плечах мех. Холод больше не пугал ее. Холод — это просто погода. Гораздо страшнее то, что люди прячут за теплыми улыбками. А в этом Дарья, пережившая три года в российском open-space, разбиралась как никто другой.

Она вышла в коридор, кивнула гвардейцам и ровным, уверенным шагом принцессы, которая наконец-то знает, чего хочет, направилась в сторону Малой столовой.

Снаружи бушевала зима. А внутри хрупкой оболочки принцессы Каролины просыпался холодный, расчетливый ум финансового аналитика, готового провести аудит целого королевства.

Глава 2. Королевский отбор

Малый зал приемов, куда Дарья спустилась спустя час после завтрака, гудел, как встревоженный улей, запертый в ледяной пещере. Если спальня принцессы была воплощением суровой, первобытной мощи Севера, то зал был ее парадным лицом — холодным, надменным и баснословно дорогим.

Пол из полированного черного льда, привезенного из-за Стылого Хребта, отражал высокие своды, расписанные сценами охоты на белых китов. Стены, сложенные из цельных глыб необработанного камня, были задрапированы знаменами. Тяжелые полотнища цветов дома Нейлиса — глубокого индиго и серебра — свисали с массивных бронзовых колец. В высоких каминах ревели пламя, но оно не могло растопить лед в углах и не могло согреть воздух. Здесь пахло не уютом, а властью: воском, мокрой шерстью, железом и дорогами, приторными благовониями южан, которые казались неуместными и жалкими на этом фоне.

Дарья вошла в зал под руку с королем. Нейлис, облаченный в тяжелый дублет из черной кожи с серебряным шитьем, возвышался рядом с ней, как гранитная скала. Его тяжелая ладонь лежала на ее предплечье — не как жест нежности, а как знак собственности и предупреждения.

— Держи спину, — тихо, так что слышала только она, пророкотал король. — И не вздумай улыбаться этим южным хорькам. Улыбка — это приглашение. А ты сегодня — капкан.

Дарья лишь слегка склонила голову, принимая совет. Она чувствовала на себе сотни взглядов. Придворные дамы, похожие на стаю одинаковых белых куропаток в своих мехах и жемчугах, замерли в реверансах. Кавалеры — бородатые, широкоплечие северяне в кольчугах и худосочные южане в шелках — склонились в поклонах.

Она шла сквозь этот лес поклонов, и серебряное платье, которое утром казалось ей верхом элегантности, теперь ощущалось боевыми доспехами. Каждый шаг по ледяному полу отзывался гулким эхом. Она не смотрела на лица. Она смотрела вверх голов, на дальнюю стену, где на возвышении стояли три кресла. Трон короля — массивный, из черного мореного дуба и костей морского змея. И два кресла поменьше для претендентов. Одно из них — из резной слоновой кости — уже занимал человек.

Нейлис подвел ее к своему трону и помог сесть. Сам он остался стоять за ее правым плечом, превратившись в живую тень.

— Господа! — голос короля Нейлиса, привыкший перекрывать шум битвы, ударил по залу, заставив замолчать даже шепотки. — Мы собрались здесь, чтобы завершить то, что начали три дня назад. Моя дочь, принцесса Каролина, наследница Льда и Пепла, выберет того, кто станет ее супругом и принцем-консортом.

Король сделал паузу, обводя тяжелым взглядом зал. — Правила просты. Вы будете говорить. Она будет слушать. И смотреть.

Он шагнул в сторону, освобождая пространство перед возвышением.

— Представьтесь. Начнем с вас, лорд Ансельм.

Из толпы выступил первый претендент.

Он был южанином до кончиков холеных ногтей. Высокий, тонкий, как клинок рапиры, с кожей цвета старого пергамента. Его волосы, черные и блестящие, были собраны в сложную косу, перевитую золотыми нитями. Одет он был в цвета дома Валантайн — багряный и золотой — в шелка, которые, должно быть, стоили как годовой улов трески в какой-нибудь северной деревне. На его пальцах сверкали перстни.

Ансельм изящно поклонился, прижав руку к сердцу. — Ваше Величество. Ваше Высочество. Для меня честь дышать одним воздухом с вами.

Он говорил на северном наречии, но с мягким, певучим акцентом, который Дарью, привыкшую к рубленому канцеляриту отчетов, раздражал до зубовного скрежета.

— Я — Ансельм из дома Валантайн, младший сын герцога, — продолжил он, выпрямляясь. — Поэт, философ и странник. Я проделал долгий путь через льды, чтобы увидеть свет вашей красоты, принцесса. Свет, который затмевает солнце.

Он театрально взмахнул рукой, и один из его слуг, стоявший за колонной, шагнул вперед, держа на бархатной подушке небольшую лютню из светлого дерева.

— Я не буду утомлять вас цифрами торговых соглашений или списком моих земель, — Ансельм взял лютню. — Я буду говорить на языке, который понятен только душам. Я сложил эту балладу в вашу честь, принцесса, той ночью, когда Полярная звезда стояла в зените.

Двор замер в предвкушении. Дарья видела, как дамы прижали ладони к груди, готовясь ахать. Память настоящей Каролины подсказывала: сейчас она должна была опустить глаза, покраснеть и прошептать что-то вроде «Вы слишком добры, лорд».

Дарья осталась сидеть прямо. Ее спина была натянутой струной. Она положила руки на подлокотники, сжав резные львиные морды так, что побелели костяшки.

Ансельм ударил по струнам. Звук был чистым, но слишком сладким. Он запел.

Это была типичная придворная лирика. «Твои глаза — два озера скорби», «твоя кожа — первый снег», «твой смех — хрусталь». Дарья слушала ровно тридцать секунд. Ровно столько времени ей понадобилось в прошлой жизни, чтобы понять, что подрядчик пытается втюхать ей завышенную смету, используя дешевые психологические уловки.

Он не смотрел на нее. Он смотрел в потолок, закатывая глаза, изображая экстаз творца. Он пел для себя, для своего образа, для легенды о себе.

Когда он взял особенно пафосный аккорд и затянул строчку о том, как «ветер Севера целует твои стопы», Дарья не выдержала.

— Достаточно, — ее голос прозвучал в абсолютной тишине зала ровно и холодно, как треск льда на реке.

Ансельм осекся на полуслове. Лютня издала жалобный дребезжащий звук. Он опустил инструмент, глядя на нее с недоумением и легким раздражением.

— Простите, Ваше Высочество? Я не дошел до кульминации, где описывается...

— Я поняла, — перебила Дарья. Она не повысила голос, но акустика зала разнесла ее слова до самых дальних углов. — Вы закончили.

— Но я хотел бы посвятить вам еще одну оду, о лунолика... — начал он, пытаясь вернуть инициативу.

Дарья посмотрела ему прямо в глаза. В ее взгляде не было девичьего смущения. Там был холодный, оценивающий интерес патологоанатома.

— Лорд Ансельм, — произнесла она. — Ваши стихи — графомания.

Зал перестал дышать.

Где-то в задних рядах, среди фрейлин, кто-то тихо икнул. Лицо Ансельма медленно пошло багровыми пятнами. Он открыл рот, но не смог издать ни звука.

— Рифма «снег — век» — это банальность, достойная подвыпившего стражника у таверны, а не сына герцога, — продолжила Дарья тем же ровным, скучающим тоном, каким обычно отчитывала стажеров за ошибки в Excel. — Метафоры вторичны. Размер хромает на вторую и пятую стопы. Если вы хотели поразить меня своим интеллектом, вам следовало бы почитать мне трактат о динамике приливов в заливе Белого Кита. Там, по крайней мере, есть логика. А в ваших виршах есть только самолюбование.

Она чуть склонила голову набок, рассматривая его, как неудачный чертеж. — К тому же, лорд, вы поете о том, как ветер целует мои стопы. Вы ни разу не посмотрели мне на ноги. Вы смотрите на люстру. Будьте добры, смотрите на объект своего обожания, если уж претендуете на мою руку. Хотя бы из уважения к геометрии.

Ансельм стоял, открывая и закрывая рот, словно выброшенная на лед рыба. Его пальцы, унизанные кольцами, побелели на грифе лютни.

Король Нейлис за спиной Дарьи издал странный звук. Это не был кашель. Это был густой, рокошующий смешок, который он тут же попытался замаскировать под покашливание, но его плечи тряслись.

— Благодарю за выступление, лорд Ансельм, — Дарья перевела взгляд на короля, а затем обратно на ошеломленного южанина. — Вы свободны. Передайте отцу, что лютня — прекрасный инструмент для услаждения слуха наложниц, но плохой аргумент в споре за Север.

Ансельм поклонился так резко, что едва не потерял равновесие. Пятясь и не смея повернуться к ней спиной, он скрылся за колоннами. Его свита, бросая на Дарью испуганные взгляды, поспешила за ним.

В зале стояла мертвая тишина, прерываемая только треском поленьев в камине.

Нейлис положил свою тяжелую руку на плечо Дарьи. Его пальцы чуть сжались. — Графомания, — с удовольствием повторил король, обращаясь скорее к залу, чем к дочери. — Хорошо сказано, девочка.

— Следующий, — громко объявила Дарья, выпрямляясь на троне. — Кто там у нас? Лорд Бертран, если не ошибаюсь?

Второй претендент выступил вперед с уверенностью человека, привыкшего владеть полем боя.

Это был северянин. Настоящий, чистокровный сын льдов, а не изнеженный южанин. Ему было около сорока — возраст, который в этих краях считался расцветом мужской силы. Широкоплечий, с густой рыжеватой бородой, заплетенной в косы с костяными бусинами. Его лицо было изрезано шрамами, а нос, похоже, был сломан минимум дважды. Одет он был в практичную кожу и сталь, без единого украшения, кроме тяжелой золотой цепи на шее — знака власти его клана.

Он не кланялся изящно. Он склонил голову ровно настолько, насколько требовал протокол, и его взгляд, в отличие от масляных глаз Ансельма, был прямым и тяжелым.

— Ваше Высочество. Король Нейлис. Я — Бертран, ярл Железных Холмов.

Его голос был под стать внешности — низкий, как гул сходящей лавины.

— Я не умею петь, принцесса, — Бертран заложил большие пальцы за широкий кожаный пояс. — Мои барды поют о моих победах, но я сам предпочитаю дело слову. Я принес вам дар.

Он щелкнул пальцами. Двое его воинов вынесли вперед тяжелый дубовый сундук и с грохотом поставили его на ледяной пол. Крышка откинулась.

Внутри, на черном бархате, лежали не драгоценности. Там лежали мечи. Три клинка невероятной работы. Сталь не просто блестела — она, казалось, впитывала свет, поглощала его, отдавая взамен лишь холодный, хищный блеск.

— Это «Вдоводел», — Бертран указал на двуручный меч с волнистым лезвием. — Им я срубил голову королю троллей на Перевале Ветров. Это «Шепот» — легкий, для левой руки. Им я остановил сердце вражеского мага, пока он читал заклинание. А это... — он бережно, почти с нежностью, коснулся третьего, самого простого на вид прямого клинка. — Это «Север». Я ковал его сам. Из метеорита, упавшего в мои земли. Он не знает промаха.

Двор ахнул. Оружие здесь ценили выше золота. Бертран играл безупречно. Он предлагал не себя — он предлагал защиту. Силу.

Память Каролины забилась в истерику. Настоящая принцесса уже была бы влюблена. Суровый воин, герой, дарящий мечи — это же мечта любой романтической девицы!

Дарья наклонилась вперед, опираясь локтями о колени. Ее серебряное платье натянулось.

— Ярл Бертран, — начала она. — Клинки великолепны. Металлургия на высоте. Особенно «Север». Я вижу в структуре металла следы дендритной кристаллизации. Вы остужали его не в воде, а в жире морского змея, верно? Это придает стали вязкость.

Бертран моргнул. Он явно не ожидал от принцессы знания терминов, но кивнул, слегка удивленно. — Верно, Ваше Высочество.

— Отличная работа, — кивнула Дарья. — Я прикажу главному оружейнику изучить состав, нам нужно перевооружить гарнизон Восточной стены. Сундук можете оставить.

Она сделала паузу, обводя взглядом зал. Придворные смотрели на нее с суеверным ужасом.

— А теперь встаньте ровно, Бертран. Раздвиньте ноги на ширину плеч. Да, вот так. Поднимите подбородок.

Ярл, подчиняясь ее властному тону, выполнил приказ, хотя его брови сошлись на переносице.

Дарья прищурилась, внимательно осматривая его с головы до ног, словно лошадь на ярмарке.

— Вам сорок два года, — констатировала она. — Вы ярл, у вас, должно быть, пятеро детей от наложниц и три старые раны, которые ноют к снегу.

— Шесть детей, — хрипло поправил Бертран. — И раны напоминают о себе только в полнолуние.

— Это хорошо, — кивнула Дарья. — Значит, вы плодовиты. Это важно для династии. Но посмотрите на меня, Бертран.

Он опустил взгляд. Его глаза встретились с ее ледяными глазами.

— Мне восемнадцать, — Дарья обвела пальцем линию своего подбородка. — Я ношу платья, которые шьются полгода. Я знаю поименно всех прачек в замке, потому что наказываю их, если на моем кружеве зацепка. Мой любимый запах — это смесь ночной фиалки и озона после грозы.

Она выпрямилась на троне.

— А от вас, ярл, пахнет псиной, железом и вчерашним элем. Это прекрасные запахи для казармы. Для супружеской спальни они подходят меньше.

По залу пронесся шелест. Кто-то из дам зажал рот рукой.

— Вы смотрите на меня, Бертран, — продолжила Дарья безжалостно, — и видите сосуд для наследника. Это разумно. Но вы забываете, что этому сосуду придется делить с вами ложе. Я не хочу в первую брачную ночь отдирать от простыни рыбью чешую и слушать, как вы сравниваете мои стоны с ревом раненого медведя.

Бертран покраснел так, что даже его борода, казалось, потемнела. Он сделал шаг назад, словно она его ударила.

— Ваше Высочество... я... я воин. Я привык к прямоте. Но я умею быть нежным. Я бы приказал нагреть для вас воду...

— Я сама прикажу ее нагреть, — отрезала Дарья. — И сама выберу масла. Бертран, вы — отличный полевой командир. И судя по мечам, хороший хозяйственник. Северу нужны такие люди. Я предлагаю вам место в моем Военном совете. Вы будете отличным противовесом моим южным родственникам.

Она улыбнулась ему. Это была улыбка палача. — Но как муж... Вы слишком стары. И слишком громкий. Я не смогу спать. А мне нужно выспаться, чтобы с утра иметь свежий цвет лица для приемов. Благодарю за мечи. Вы свободны.

Бертран стоял несколько секунд, тяжело дыша. Его лицо шло пятнами — то ли от гнева, то ли от глубочайшего, невыразимого стыда. Он не привык, чтобы его, покорителя холмов, отшивали, как подмастерье.

— Как прикажете, Ваше Высочество, — наконец выдавил он. Он поклонился — на этот раз глубоко, с уважением воина к воину, а не к женщине. — Мечи остаются. Я... я приму место в Совете, если вы не шутите.

— Не шучу. Мой секретарь пришлет вам указ. Идите.

Когда тяжелая дубовая дверь за ярлом и его людьми закрылась, Дарья откинулась на спинку трона и медленно выдохнула. Ноги, скрытые под юбками, слегка дрожали от адреналина, но лицо оставалось мраморной маской.

В зале царил хаос. Дамы шептались, глядя на нее с ужасом и восторгом. Кавалеры смотрели с опаской. Нейлис за ее спиной уже не скрывал смеха. Он смеялся в голос, хлопая себя по бедру.

— Клянусь костями Первого Короля! — пророкотал он, выступая из-за трона. — Где ты была последние восемнадцать лет, дочь? В монастыре для немых?

Дарга посмотрела на него снизу вверх. — В библиотеке, отец. Там тихо.

— Тихо ей! — Нейлис подошел к ступеням возвышения. — Графомания! Рыбья чешуя! Ты только что уничтожила репутацию двух самых выгодных партий на континенте за пять минут. Ансельм утопится в вине. А Бертран... Бертран напьется, пойдет в портовый кабак и будет бить морды всем, кто косо на него посмотрит.

— Пусть бьет, — спокойно ответила Дарья. — Это полезно для снятия стресса. Зато казна экономит на приданом Ансельму, а Северный Союз получит лучший гарнизон на Востоке без необходимости женитьбы. Я посчитала.

Король прищурился, его веселье начало сменяться чем-то более острым — профессиональным интересом хищника.

— Посчитала она... — он обошел трон, рассматривая дочь, как диковинное оружие. — Настоящая Каролина сейчас бы рыдала в подушку, проклиная свою судьбу. А ты... Ты препариовала их, как лягушек.

— Лягушки хотя бы не поют, — Дарья позволила себе чуть расслабить плечи. — Отец, третий претендент.

— Третий, — Нейлис остановился прямо перед ней. Его лицо стало серьезным. — Третий — не Ансельм и не Бертран.

Двери зала снова открылись.

На этот раз герольд не объявлял имя.

Вошедший был одет в черное. Никаких гербов, никаких цветов дома. Только глухой, поглощающий свет бархат и шелк. Он был высок, строен, двигался с текучей, пугающей грацией хищной кошки. Его лицо было скрыто в тени глубокого капюшона, но Дарья видела линию подбородка — жесткую, волевою — и тонкую полоску бледных губ.

Он не кланялся. Он просто шел к возвышению, и стража у дверей, которая должна была остановить любого, кто подходит к трону ближе чем на пять шагов, расступилась перед ним сама, словно невидимая волна отшвырнула их к стенам.

Он остановился у подножия ступеней.

— Ваше Величество, — его голос был лишен возраста. Он мог принадлежать и юноше, и зрелому мужчине. В нем не было акцента — ни южного, ни северного. Он звучал так, словно говорил сам воздух в зале. — Ваше Высочество.

Дарья почувствовала, как по спине пробежал холодок, не имеющий ничего общего с температурой зала. Это был другой холод. Древний.

Король Нейлис склонил голову. Не в поклоне, но в жесте глубокого, почти религиозного почтения.

— Моргот. Мы рады, что вы приняли наше приглашение.

Моргот. Имя ударило по нервам, как разряд молнии. Память Каролины, обычно услужливая, на этот раз молчала, выдавая лишь белый шум паники. Это имя не значилось в списках претендентов. Его вообще не должно было быть в списках живых.

— Я не претендент, король Нейлис, — фигура в черном чуть склонила голову. Движение было плавным, нечеловеческим. — Я не ищу руки вашей дочери. Я здесь по приглашению... самого Льда.

Он поднял руку в перчатке и медленно, очень медленно стянул капюшон.

Двор снова ахнул. На этот раз — от чистого, незамутненного ужаса.

У него не было глаз. Там, где должны были быть глазницы, мерцала пустота, заполненная клубящимся серым туманом, в котором вспыхивали и гасли крошечные белые искры, похожие на снежинки. Его кожа была бледной, как у утопленника, выброшенного на берег весной. Волосы — цвета воронова крыла, без единого проблеска седины — казались выточенными из обсидиана.

— Что это значит? — голос Нейлиса был хриплым. Король, не боявшийся ни вражеских армий, ни бунтов, смотрел на этого человека с суеверным страхом.

— Это значит, — Моргот перевел свой туманный взгляд на Дарью, — что правила игры изменились.

Он шагнул на первую ступень. Стража дернулась, но Нейлис остановил их жестом.

— Я не буду просить вашей руки, принцесса, — сказал Моргот, и Дарья поняла, что он смотрит прямо ей в мозг, минуя глаза. — Потому что вы ее не дадите. Вы только что доказали, что вы умнее, чем о вас думали. Вы не хотите быть ни марионеткой южан, ни племенной кобылой северян. Вы хотите владеть.

Дарья заставила себя не отшатнуться. Она вцепилась в подлокотники.

— Кто вы? — спросила она. Ее голос прозвучал тише, чем она хотела.

— Я — тот, кто видит нити, — ответил Моргот. — Я вижу, как дрожит нить Ансельма — он трус, его прислал отец, чтобы спрятать от долгов. Я вижу, как гудит от напряжения нить Бертрана — он честен, но он дуб, а дубы легко срубить. А ваша нить, принцесса... — он наклонился ближе, и запах озона и старой пыли ударил Дарью в ноздри. — Ваша нить черная. И она звенит, как тетива. Вы не Каролина.

Сердце Дарьи пропустило удар, а потом рухнуло куда-то в ледяные подвалы.

Она не подала виду. Она лишь приподняла бровь.

— Вы говорите загадками, сударь. При дворе это считается дурным тоном.

— Я говорю фактами, — Моргот выпрямился. — Я не претендент. Я — наблюдатель. Южный Союз прислал не только своих сыновей. Они прислали яд в вине и мага, который должен был опоить вас на пиру, чтобы вы согласились на брак с Ансельмом, будучи не в себе. Ярл Бертран привез не только мечи. В его сундуке, под бархатом, скрыт договор, по которому Железные Холмы отделяются от короны через год после вашей свадьбы.

Зал зашумел. Нейлис резко обернулся к своим советникам, его лицо почернело.

— А вы? — спросила Дарья, игнорируя нарастающий гул. — Что спрятали вы?

— Ничего, — улыбнулся Моргот. Улыбка на его мертвом лице выглядела как порез. — Я принес вам подарок. То, что поможет вам не проиграть.

Он протянул руку. На его ладони лежал маленький предмет.

Это была игла. Обычная стальная швейная игла.

Дарья знала, что это такое. Она видела такие в коробке у своей бабушки. Но эта игла не была покрыта ржавчиной. Она сияла, как хром, и, казалось, не отбрасывала тени на ледяной пол.

— Что это? — Дарья не пошевелилась.

— Это правда, — сказал Моргот. — Если вы уколете этим себя — ничего не случится. Если вы уколете кого-то другого... он не сможет вам солгать. Слово «ложь» будет жечь ему горло огнем, пока он не скажет истину.

— Почему вы даете это мне? — прошептала Дарья.

— Потому что вы — единственная, кто сможет этим воспользоваться, не убив себя, — Моргот разжал пальцы. Игла упала на ледяной пол с легким, почти неслышным стуком. — Игра престолов, принцесса. Вы только что сделали первый ход. Но вы играете против тех, кто придумал эту игру.

Он развернулся. Его черный плащ взметнулся, хотя в зале не было ветра.

— Я буду наблюдать, — бросил он через плечо, снова надевая капюшон. — Удачи, Ваше Высочество. Она вам понадобится.

Он вышел. Двери за ним закрылись беззвучно.

В зале повисла тяжелая, давящая тишина.

Дарья сидела на троне, глядя на маленькую стальную иглу, лежащую у подножия ступеней.

Нейлис медленно спустился к ней. Он тяжело оперся руками о колени, переводя дух.

— Он сказал правду, — прохрипел король, глядя на иглу. — Мои люди только что проверили. В сундуке Бертрана действительно договор. А слуга Ансельма пытался пронести во флакон с духами вытяжку из лунного мака.

Дарья медленно перевела взгляд на отца. Адреналин схлынул, оставив после себя звенящую пустоту и ясность.

— Я знаю, — сказала она.

— Откуда? — Нейлис посмотрел на нее с подозрением.

— Я посчитала, — Дарья встала. Ноги ее не слушались, но она заставила себя спуститься по ступеням. Она не смотрела на застывший двор. Она смотрела только на иглу.

Она наклонилась — движение, которое в этом платье требовало слаженной работы трех служанок, но Дарья сделала это сама, опираясь на трость, которую ей никто не подавал — и подняла иглу с пола.

Она сжала ее в кулаке. Металл был ледяным.

— Отец, — сказала она, поворачиваясь к Нейлису. Ее ледяные глаза горели опасным, новым огнем. — Отмени пир. Прикажи запереть ворота. И пошли людей к Бертрону. Скажи, что я передумала. Что я приму его в мужья... завтра.

Нейлис смотрел на нее несколько долгих секунд. Потом на его суровом лице расплылась широкая, хищная улыбка.

— Вот теперь, — пророкотал он, — я узнаю свою дочь.

Он развернулся к ошеломленному двору.

— Чего встали?! — рявкнул король Нейлис. — Праздник окончен! Совет через час в Малом зале! И кто мне еще раз принесет южные духи — сварю в кипятке!

Двор взорвался суетой. Люди бросились к выходу, толкаясь и шепчась.

Дарья осталась стоять посреди пустеющего зала. Она разжала кулак и посмотрела на иглу.

Она не была Каролиной. Она знала это. Моргот знал это. Теперь, благодаря ее выходке, об этом догадывался весь двор.

Но это больше не имело значения.

Она сжала иглу так, что ее острие впилось в ладонь. Боль была острой, настоящей.

Она улыбнулась.

Игра началась. И у нее в рукаве был туз, о котором не знал даже туманноглазый наблюдатель. У нее был метод двойной записи и понимание того, что любой, даже самый древний заговор, разваливается, если правильно составить балансый отчет.

Глава 3. Принцесса с железным характером

Слух — это самая быстрая валюта Севера. Там, где нет дорог, а есть лишь оленьи тропы, заметенные пургой, где от одного фьорда до другого месяц пути на драккаре, новости передаются не гонцами, а ветром, скрипом мачт и пьяной болтовней в портовых тавернах.

К закату того же дня о «помешательстве» принцессы Каролины знал весь Белый Порт. К полуночи — вся столица, выросшая вокруг Замка-на-Скале. А к утру, когда Дарья спустилась к завтраку, об этом шептались в самых отдаленных деревнях у Стылого Хребта.

«Принцесса назвала стихи графа графоманией». «Принцесса сказала ярлу, что от него пахнет псиной». «Принцесса подняла с пола иглу, которую уронил демон, и не превратилась в соль».

Когда Дарья вошла в Малую столовую, где ее уже ждал король Нейлис, она чувствовала себя так, словно сбросила с плеч тяжелый, мокрый рюкзак, который носила всю жизнь. Это было не ее прошлое, а прошлое Каролины — груз из бесконечных поклонов, опущенных глаз, страха чихнуть не вовремя и необходимости улыбаться людям, которых хотелось ударить десертной ложкой.

Нейлис сидел во главе дубового стола, уже заканчивая разделявать зажаренную ногу горного барана. Он орудовал ножом и двузубой вилкой с той же уверенной грацией, с какой, должно быть, управлялся с боевым топором. При виде дочери он отложил приборы и вытер руки о льняную салфетку.

— Доброе утро, ваше высочество, — его голос сочился неприкрытым сарказмом и отцовской гордостью. — Как спалось в шкуре самой опасной женщины Севера?

— Доброе утро, отец, — Дарья села, и стоявшая за ее спиной служанка Лия тут же бросилась наливать ей в кубок подогретое вино со специями. — Спалось прекрасно. Впервые за восемнадцать лет мне не снились вышитые подушки.

— Я слышал, — Нейлис отрезал кусок мяса и отправил в рот. — Говорят, ты довела до слез леди Марту, когда она попыталась поправить тебе локон.

— Я не довела ее до слез, — спокойно возразила Дарья, намазывая ржаную лепешку соленым маслом. — Я просто сообщила ей, что если она еще раз дотронется до моей головы своими жирными от крема руками, я прикажу отрубить ей пальцы. Я была предельно вежлива. Я использовала сослагательное наклонение.

Нейлис подавился вином и разразился хохотом. Он бил кулаком по столу так, что подпрыгнули серебряные кубки.

— Клянусь печенью кита! — прохрипел он, вытирая выступившие слезы. — Леди Марта вылетела из твоих покоев белая, как простыня покойника, и побежала молиться в часовню. Она теперь думает, что в тебя вселился дух твоей прабабки, Королевы-Ведьмы.

— Отлично, — кивнула Дарья. — Пусть думает. Суеверия — прекрасный инструмент управления персоналом. Кстати, о персонале.

Она сделала глоток вина. Вино было терпким, с привкусом можжевельника. — Лия.

Служанка, стоявшая навтыжку с кувшином, вздрогнула. — Да, ваше высочество?

— Тыливаешь мне вино уже сорок секунд, — Дарья посмотрела на песочные часы на каминной полке. — Из них двадцать секунд ты стояла с открытым ртом, глядя на мой профиль, потому что услышала сплетню, что я якобы красивее, чем луна. Вино остыло на два градуса.

Лия побелела. — Простите, я...

— Ты уволена, — ровным тоном закончила Дарья. — Вещи из твоего сундука вынесут к воротам через час. Иди.

Лия всхлипнула, уронила кувшин (к счастью, пустой) и, спотыкаясь, бросилась прочь из столовой.

Нейлис перестал жевать. Он медленно положил вилку и посмотрел на дочь поверх стола.

— Ты только что уволила девушку за то, что она на секунду отвлеклась? — тихо спросил он. — Каролина никогда...

— Каролина никогда не была хозяйкой, — перебила Дарья. — Она была красивой куклой. А я — принцесса. Лия — не подруга. Она — штатная единица. Ее задача — обеспечивать мой комфорт. Если она не справляется с базовой задачей «налить жидкость в сосуд», она бесполезна. Я не держу бесполезных людей.

— Жестоко, — Нейлис откинулся на спинку стула, его взгляд стал острым, как лезвие скальпеля.

— Справедливо, — парировала Дарья. — Я дала ей шанс. Я предупредила ее вчера, когда она затягивала корсет так, что я не могла дышать. Она не услышала. Север не прощает слабости, отец. Ты сам мне это сказал. Слабость в ногах — ты падаешь в снег и замерзаешь. Слабость в руках — меч выпадает, и тебе рубят голову. Слабость в голове — ты наливаешь холодное вино принцессе. Это звенья одной цепи.

Король долго смотрел на нее. В его ледяных глазах больше не было смеха. Там было тяжелое, оценивающее внимание полководца, изучающего новую, неизвестную тактику врага.

— Истинная кровь, — наконец произнес он. — Вот она, наконец-то. Двадцать лет я смотрел на это бледное недоразумение и думал, куда делась моя жена. А ты просто спала.

— Я не спала, — Дарья отрезала кусок баранины. — Я сэкономила энергию. Как медведь в берлоге.

— И что теперь? — Нейлис вернулся к еде, но ел он теперь медленнее, обдумывая каждое движение. — Ты разогнала слуг. Ты оскорбила лучших женихов континента. Третий день смотри закончился вчера. Сегодня утром ко мне прибежал посол Южного Союза. Герцог Валантайн рвет и мечет. Он требует объяснений, почему его сын, которого ты назвала «графоманом», рыдает в своих покоях и отказывается есть.

— Передайте послу, — Дарья промокнула губы салфеткой, — что если его сын рыдает от слова «графомания», то в первом же бою он расплатится при виде вражеского щита. Такой зять нам не нужен. Мы экономим казне на тратах на свадьбу, а Южному Союзу — на содержании труса. Считайте это актом доброй воли.

Нейлис усмехнулся в бороду. — А Бертран? Ярл Железных Холмов вчера напился в стельку, пытался вызвать на поединок дуб в королевском саду, а потом плакал, что его никто никогда не любил.

— Купите ему собаку, — отрезала Дарья. — Большую, лохматую. И отправьте его патрулировать перевалы. Там холодно, одиноко, и его запах никого не смутит. Когда он поймет, что собака любит его просто так, а не за титул, возможно, он станет человеком. Пока что он — просто ходячий набор мышц и комплексов.

— Ты чудовище, — с нескрываемым восхищением сказал Нейлис. — Настоящее, чистокровное чудовище. Моя кровь.

Завтрак прошел в молчании, но это было комфортное молчание двух хищников, которые признали друг друга.

С этого дня жизнь в Замке-на-Скале начала меняться.

Слава о «Железной Принцессе» бежала впереди Дарьи. И эта слава была ей на руку. Она больше не тратила время на придворный этикет.

Ее утро начиналось не с укладки волос, а с доклада казначея.

Старый, высохший, как вобла, лорд-казначей по имени Гвендолин, привыкший к тому, что принцесса только кивает и ставит подпись там, где указано, ворвался в ее кабинет (бывшую малую гостиную) с трясущимися губами.

— Ваше высочество! Вы... вы вычеркнули из сметы на содержание двора триста золотых! Это расходы на благовония для фрейлин!

— Ваши фрейлины пахнут мышами и плесенью, несмотря на благовония, — Дарья даже не подняла головы от пергамента. — Вычеркните еще двести. Закупите на них овес для гарнизона. От лошадей на стенах больше пользы, чем от ваших фрейлин.

— Но протокол! Традиции! На Осеннем Балу должен быть запах роз!

— Мы на Севере, Гвендолин, — Дарья подняла на него свои ледяные глаза. — Какие, к демонам, розы? Закупите можжевельник. Или багульник. Если фрейлинам нечем заняться, пусть идут в лес и собирают его сами. Это укрепит их иммунитет. И да, сократите закупку шелка. Нам нужны парусина и пенька.

— Вы разорите корону! — пискнул казначей.

— Я спасу ее, — Дарья взяла из чернильницы перо. — Смотрите. Вы тратите пятьсот золотых в месяц на содержание голубятни. Голубидохнут от холода, сообщения опаздывают. — Это королевская голубятня!

— Это бесполезная трата, — Дарья макнула перо в чернила и жирно перечеркнула строку. — Я установлю на Восточной башне систему зеркал. Гелиограф. Один южанин-инженер предлагал это еще пять лет назад, но ваш предшественник отказал, потому что инженер был плешивым. Инженеру заплатить триста золотых. На остальных двухстах — закупить факельное масло. Все. Идите. И если я еще раз увижу в отчете графу «на пудру для париков», я прикажу обрить вас налысо.

Гвендолин вышел, шатаясь.

Дарья откинулась в кресле. Она чувствовала пьянящий, почти наркотический азарт. Это была ее стихия. Цифры не лгут. Баланс либо сходится, либо нет. В этом было больше честности, чем во всех поклонах и комплиментах этого прогнившего двора.

Она встала и подошла к окну. Внизу, во внутреннем дворе, шла тренировка новобранцев. Она видела это и раньше — из окна библиотеки, где пряталась настоящая Каролина. Тогда это казалось ей бессмысленной жестокостью: потные, грязные люди били друг друга тупым железом.

Сейчас она смотрела на это как на производственный процесс.

— Ваше высочество?

В дверях стоял капитан гвардии. Огромный, заросший бородой до самых глаз северянин по имени Рогнар.

— Капитан, — Дарья кивнула ему, как равному. — Почему вон тот парень, второй слева в четвертом ряду, держит щит ниже нормы?

Рогнар нахмурился, подошел к окну, прищурился. — Это Свен, новенький.

— У него реакция на две секунды медленнее остальных, — Дарья постучала ногтем по стеклу. — И он неправильно ставит стопу при развороте. Он открытый слева.

— У вас глаз наметан, — уважительно прогудел Рогнар. — Обычно вы смотрели на птичек.

— Птички не пытаются захватить мой замок, — отрезала Дарья. — Выкиньте его из гвардии. Или переведите в службу. Нам нужны те, кто выживет в первой же стычке. Нам не нужно пушечное мясо, нам нужен стальной клинок.

— Слушаюсь, — Рогнар поклонился, но в его поклоне не было страха. Было уважение.

Когда он вышел, Дарья позволила себе короткую улыбку. Она строила систему. Жесткую, эффективную и абсолютно бесчеловечную с точки зрения придворных романов.

Женихи, вопреки логике, не закончились.

Слух о том, что принцесса Каролина — не жеманная дура, а стальная стерва с государственным мышлением, разлетелся по соседним королевствам с удивительной скоростью. И это привлекло совершенно другой тип соискателей.

Если раньше на смотрины ехали романтики, ищущие «хрустальную деву», или политические назначенцы, то теперь в Белый Порт потянулись прагматики.

Через неделю после «отбора» в тронный зал вошел четвертый претендент.

Он не был ни южанином, ни северянином. Он был восточником. Смуглый, гибкий, одетый в шелка цвета ночи. Он не привез с собой ни золота, ни мечей. С ним был лишь небольшой караван из трех верблюдов, груженных тюками с пряностями, и десяток молчаливых охранников с кривыми саблями.

Его звали Зейн. Он был младшим сыном Великого Эмира Пустынных Берегов.

Он вошел в зал, и запах кардамона, сандала и раскаленного песка ударил в ноздри, перебивая вековую сырость камня.

Зейн не стал кланяться. Он приложил руку к сердцу и слегка склонил голову. — Принцесса Каролина. Я проделал путь через полмира не для того, чтобы просить вашей руки.

Дарья, сидевшая на троне, чуть наклонилась вперед. Это становилось интересным.

— Зачем же вы здесь, купец? — спросила она.

— Я здесь, чтобы предложить сделку, — Зейн улыбнулся, показав идеально белые зубы. — Эмир, мой отец, стар. Мои старшие братья рвут друг другу плетки за наследство. Когда они закончат, Пустынные Берега захлебнутся в крови. Мне нужен новый дом. Ваша земля.

— У нас своих претендентов на трон хватает, — фыркнул Нейлис, стоявший у стены.

— Я не претендую на трон, — легко отмахнулся Зейн. — Я претендую на место вашего... как это у вас называется?.. Десницы? Правой руки.

Дарья молчала, изучая его.

— Вы предлагаете мне сделать вас своим советником? — уточнила она. — На основании чего? Ваших красивых глаз?

— На основании вот этого, — Зейн щелкнул пальцами.

Один из охранников подошел к тюкам и достал оттуда не пряности. Он достал карту.

Но это была не та карта, к которым привыкла Дарья. Это был не пергамент с нарисованными морскими чудовищами. Это был плотный, выделанный шелк, на котором лазурью и золотом были нанесены течения, ветра и, главное, — торговые пути.

— Ваши купцы возят железо на Юг по морю, — начал Зейн, водя тонким пальцем по шелку. — Это долго. Это опасно. Пираты. Штормы. Вы теряете до тридцати процентов груза.

— Мы теряем двадцать, — автоматически поправила Дарья.

— Двадцать пять, — Зейн улыбнулся. — Я проверял книги в вашем порту. Подкупить вашего таможенника стоило мне всего пять золотых, он оказался очень разговорчивым. Так вот. Если вы дадите мне патент на торговлю и защиту, я проведу ваши караваны с железом через Великий Оазис. Сухопутный путь. Три недели вместо двух месяцев. Ваша прибыль вырастет вдвое.

— Взамен на что? — Дарья смотрела на карту. Это была не просто бумага. Это был ключ к монополии на железо во всем Северном полушарии.

— Взамен на политическое убежище, — Зейн сложил руки на груди. — Титул принца-консорта мне не нужен. Я не лягу в постель с женщиной, от которой пахнет мокрой псиной и рыбьим жиром, простите за прямоту. Мне нужен статус неприкосновенности и доля в прибыли. Скажем... десять процентов от чистого дохода с южного транзита.

В зале повисла тишина.

Нейлис крикнул. — Наглец. Но наглец честный.

Дарья встала. Она медленно спустилась по ступеням трона. Придворные затаили дыхание.

Она подошла к Зейну вплотную. Он был выше ее, и ей пришлось задрать голову.

— Вы подкупили моего чиновника, — тихо сказала она.

— Это был тест системы безопасности, — так же тихо ответил он. — Он оказался слаб. Вы его казните?

— Нет, — Дарья улыбнулась. — Я его повышу. И дам ему в управление два порта. Если он смог так легко взять деньги у вас, значит, он лучший специалист по выявлению шпионов. Он будет знать все ходы конкурентов.

Зейн моргнул. Он явно ожидал другого.

— Вы... вы согласны? — спросил он.

— Я согласна на условия транзита, — Дарья взяла из его рук карту. — Карта великолепна. Шелк... это интересно. Нам нужно наладить поставки.

— Я могу договориться с отцом, — кивнул Зейн.

— Но вы не получите титул, — закончила Дарья. — И вы не получите долю в десять процентов. Вы получите пять.

— Семь, — тут же парировал Зейн.

— Пять с половиной, — Дарья протянула руку. — И должность начальника торгового ведомства. Вы будете подчиняться лично мне. И казначею. Мы будем проверять каждый ваш золотой.

Зейн посмотрел на ее протянутую руку. Потом на ее лицо. Он расхохотался. Громко, искренне, как человек, нашедший родственную душу.

— Пять с половиной, — он пожал ее руку. Его ладонь была сухой и горячей. — И я хочу отдельный кабинет с видом на юг. Я ненавижу снег.

— Договорились, — Дарья отпустила его руку. — Рогнар!

Капитан вырос за ее спиной.

— Выдели нашему новому главе ведомства покои. И приставь к нему двух самых молчаливых и злобных стражников. Пусть следят, чтобы он не слишком скучал по родине.

— Слушаюсь, — ухмыльнулся в бороду Рогнар.

Когда Зейн и его люди вышли, Нейлис подошел к дочери.

— Ты только что отдала ключи от южной торговли какому-то пустынному проходимцу, — сказал он, но в голосе не было упрека.

— Я наняла лучшего логиста, которого можно купить за пять процентов, — ответила Дарья, разворачивая карту на столе. — Посмотри на этот маршрут, отец. Если мы объединим его знание песков с нашей сталью... Мы сможем диктовать цены всему континенту. Нам больше не нужны их герцоги с их стихами. Нам нужны их торговые флоты.

Нейлис долго смотрел на карту, на чертежи караван-сараев, на расчеты прибыли, сделанные рукой Зейна на полях.

— Железная, — повторил он. — Клянусь, ты сделана из того же железа, что мы куем в наших горах.

Шли недели. Зима вступала в свои права, заваливая Замок-на-Скале снегом по самые бойницы.

Дарья вошла во вкус.

Она разогнала половину фрейлин, отправив их в деревни — учить крестьянских детей грамоте. «Если они умеют только сплетничать, пусть приносят хоть какую-то пользу», — сказала она. Оставшимся она ввела систему штрафов за опоздания и плохую работу.

Она лично спустилась в темницы.

Настоящая Каролина боялась темниц. Дарья же, вооружившись факелом и сопровождаемая начальником стражи, методично обходила камеры.

— За что сидит этот? — спрашивала она, кивая на заросшего бородой оборванца.

— Украл курицу на рынке, — ответил стражник.

— Три года? — Дарья нахмурилась. — За курицу?

— Он попался в третий раз, ваше высочество.

— Выпороть и на каторгу, — решила Дарья. — В каменоломни. Нам нужно больше камня для Восточного бастиона.

— А этот? — она подошла к следующей камере. Там сидел бледный, хорошо одетый человек.

— Граф Лионель. Мошенничество. Продавал фальшивые векселя казначейства.

Дарья долго смотрела на графа. Тот попытался выдавить из себя обаятельную улыбку.

— Сколько вы украли, Лионель? — спросила Дарья.

— О, пустяки, ваше высочество, какие-то пять тысяч золотых...

— Вы нанесли ущерб репутации короны, — перебила Дарья. — Это карается смертью. Но вы хороший каллиграф.

Граф перестал улыбаться.

— Вы будете сидеть в этой камере, — продолжила Дарья, — пока не перепишете весь свод законов Севера. Чистым почерком, без ошибок. Если сделаете ошибку — начнете сначала. Когда закончите, мы вас повесим. Но перед этим я покажу королю, какой красивый у вас почерк. Возможно, он помилует вас в обмен на пожизненную работу в архиве. За еду.

Она не была жестокой ради жестокости. Ее жестокость была утилитарной. Каждый человек в ее королевстве должен был приносить пользу. Или кормить червей.

Ее боялись. Ее ненавидели. Фрейлины шептались, что в нее вселился ледяной дух. Казначей плакали над счетами. Но эффективность управления выросла втрое.

Нейлис смотрел на это с отцовским умилением. — Она их строит! — говорил он за ужином, отрезая мясо. — Вчера я видел, как главный конюший — конюший, Каролина! — бежал через весь двор, потому что она велела ему лично проверить копыта у жеребят.

— Я просто объяснила ему, что если хоть один жеребенок охромеет, он пойдет в пехоту, — спокойно ответила Дарья, макая хлеб в подливку. — У него отличная выправка, из него выйдет неплохой копейщик.

— Ха! — Нейлис стукнул кубком. — Я жалею только об одном.

— О чем? — Дарья подняла взгляд.

— Что твоя мать не дожила до этого дня, — король отсалютовал ей кубком. — Она бы тобой гордилась.

Дарья промолчала. В груди что-то странно сжалось. Память Каролины хранила образ красивой, тихой женщины, умершей от лихорадки. Дарья не знала свою мать в прошлой жизни, но чувство сиротства было ей знакомо.

— Мне не нужна гордость, отец, — сказала она. — Мне нужен флот. И почему мы до сих пор не начали строить новые драккары? Зима — лучшее время для просушки древесины.

— Потому что ты не приказала! — рявкнул Нейлис, давась смехом.

— Я приказываю сейчас, — Дарья встала. — Рогнар!

Капитан, дремавший у двери, вскочил.

— Передай мастеру Торину, что я жду его с планами расширения верфи завтра на рассвете. И пусть захватит смету. Если он скажет, что нет леса, напомни ему, что за замком начинается Тайга. Там лесу на десять флотов.

— На рассвете, ваше высочество, — кивнул Рогнар.

Единственной проблемой оставался вопрос брака.

Дарья методично отсеивала всех. Она отказала послу Запада (у него были гнилые зубы). Она отказала князю Востока (он предложил в качестве дара наложниц, Дарья ответила, что у нее нет времени заниматься их профсоюзом).

Король Нейлис был в восторге. — Пусть видят! — говорил он на Совете. — Пусть видят, что Севером нельзя управлять через постель моей дочери! Она — не товар! Она — ворота в наш дом!

Но Дарья понимала, что долго так продолжаться не может. Отказы — это хорошо для репутации, но плохо для дипломатии. Ей нужен был союз. Но союз на ее условиях.

Она сидела в своем кабинете, изучая донесения от Зейна. Новый глава ведомства работал как проклятый. Он уже наладил поставку шелка и специй, и первые караваны с железом должны были выйти через месяц.

В дверь постучали. Не робко, как стучали фрейлины, и не официально, как советники. Это был тяжелый, властный стук.

— Входи, — бросила Дарья, не отрываясь от пергамента.

Вошел Бертран. Ярл Железных Холмов.

Он изменился. Исчезла пьяная одутловатость. С лица сошел нездоровый румянец. Он был умыт, гладко выбрит, и от него пахло теперь не элем, а кожей, железом и морозом. Он был одет в простую, но дорожную кольчугу.

— Ваше Высочество, — он склонил голову.

Дарья подняла глаза. Она отложила перо.

— Ярл. Садитесь. Вина?

— Нет, — он остался стоять. — Я пришел поблагодарить вас.

— За что? — Дарья изогнула бровь. — За то, что я назвала вас вонючим?

— За это в первую очередь, — Бертран позволил себе тень улыбки. — Никто до вас не говорил мне правды. Мои жены боялись. Мои советники льстили. А вы... вы ткнули меня носом в грязь. И я пошел мыться.

Он шагнул ближе.

— Я много думал, пока патрулировал перевалы, — продолжил он. Его голос был глубоким и спокойным. — О ваших словах. О том, что я — дуб. Вы правы. Дуб силен, но его можно срубить. Я хочу стать частью стены.

— Стены? — Дарья внимательно смотрела на него.

— Вашего замка, — Бертран смотрел на нее прямо, не моргая. — Я не хочу быть вашим мужем, принцесса. Я понял это. Я бы храпел и портил вам простыни. Я бы не смог поддержать беседу о налогах. Я бы умер от скуки на Совете.

— Очень самокритично, — сухо заметила Дарья.

— Я хочу быть вашим оружием, — сказал Бертран. — Вашим палачом. Вашей тенью. Назначьте меня командиром вашей личной гвардии. Не этих разряженных павлинов во дворце, а настоящих бойцов. Я буду охранять вашу спину. Я буду тем, кого вы спустите с цепи на своих врагов. Я не претендую на вашу постель. Я претендую на то, чтобы первым умереть за вас.

В кабинете повисла тишина.

Дарья смотрела на этого огромного, честного, искалеченного жизнью воина. Он был единственным, кто пришел к ней не брать, а предлагать. Не корону, а верность.

Она встала. Подошла к нему. Она была на полторы головы ниже, но смотрела на него сверху вниз, как королева.

— Вы понимаете, ярл, что это значит? — тихо спросила она. — Вы больше не будете принадлежать себе. Ваш меч, ваша жизнь, ваша смерть — все это станет моим. Я прикажу вам убить, и вы убьете. Даже если это будет ребенок. Даже если это будете вы сами.

— Я северянин, принцесса, — просто ответил Бертран. — Я всю жизнь жил по этому принципу. Только раньше я служил клану, а теперь хочу служить человеку. Тому, кто достоин.

Дарья медленно протянула ему руку.

— Встаньте на колени, ярл.

Бертран, огромный, как медведь, послушно опустился на одно колено. Каменный пол гулко отозвался.

— Повторяйте за мной, — сказала Дарья. — Я, Бертран из Железных Холмов, клянусь своей кровью и честью...

— Я, Бертран из Железных Холмов, клянусь своей кровью и честью... — эхом отозвался он.

— ...что мой меч будет принадлежать принцессе Каролине. Что моя жизнь станет ее щитом. Что я не знаю страха, не знаю пощады и не знаю другой воли, кроме ее воли. Пока бьется мое сердце.

— Пока бьется мое сердце, — глухо закончил Бертран.

— Встаньте, — приказала Дарья. — Капитан Бертран.

Он поднялся. Его глаза подозрительно блеснули, но он сдержал эмоции.

— Соберите людей, — сказала Дарья, возвращаясь за стол. — Мне нужно пятьдесят лучших. Самых злых. Самых верных. Кого не жалко.

— Они будут у ваших ворот к закату, — кивнул Бертран.

— И, Бертран, — окликнула она его у двери.

— Да, моя госпожа?

— Найдите себе баню. Хорошую. И мыло. Вы теперь капитан гвардии, от вас должно пахнуть победой, а не только морозом.

Когда он вышел, Дарья долго смотрела на закрывшуюся дверь.

У нее появился клинок.

Вечером того же дня в ее покои пришел Моргот.

Он возник из теней в углу, как всегда бесшумно. Дарья, разбиравшая донесения о поставках смолы, даже не вздрогнула. Она лишь подняла на него глаза.

— Ты сделала интересный ход с северянином, — сказал он, материализуясь в кресле напротив. — Ты забрала его верность, не дав ему ничего, кроме цели. Это опасная игра. Верные псы иногда кусают хозяев.

— Он на цепи, — Дарья отложила перо. — Цепь из клятвы на крови. Ее не так-то легко перегрызть. Зачем ты пришел?

— Понаблюдать, — туман в его глазницах всколыхнулся. — Ты строишь империю, принцесса. Железо, шелк, верные псы... Но ты забыла о главном.

— О чем? — Дарья напряглась.

— О магии, — Моргот наклонился вперед. — О том, что держит этот мир, пока ты считаешь свои золотые. Твой новый друг Зейн возит пряности. Но в песках его родины спят древние силы. Твой ярл Бертран машет железом. Но в глубинах гор куют металл, который не берет обычная сталь. Ты играешь в шахматы, видя только деревянные фигурки. А доска — живая.

— Я не верю в сказки, — отрезала Дарья.

— Веришь, — усмехнулся Моргот. — Ты веришь в меня. Ты держишь иглу в рукаве. Ты знаешь, что сталь — это не просто железо и углерод. Это воля кузнеца. Ты стоишь на пороге, Дарья. Тело Каролины дает тебе легитимность. Твой ум дает тебе власть. Но чтобы удержать эту власть, когда придут настоящие бури, тебе нужно то, что нельзя купить за золото.

— И что же это? — она смотрела на него исподлобья.

— Учитель, — тихо сказал Моргот. — Тот, кто научит тебя видеть нити. Тот, кто научит тебя не только считать золото, но и взвешивать души.

— Я не хочу иметь с тобой ничего общего, — Дарья встала. — Ты — хаос. Я — порядок.

— Порядок без магии — это просто красивая тюрьма, — Моргот тоже встал. — Твоя тюрьма рухнет, как только придет враг, способный плюнуть огнем. Твои катапульты не остановят дракона. Твои счета не остановят чуму.

Он шагнул к двери.

— Я буду рядом, — бросил он через плечо. — Жду, когда ты перестанешь быть просто финансовым аналитиком и станешь Королевой Льда. Не по названию. По сути.

Он растворился в тени. Дарья осталась одна. Она подошла к окну. Снег падал густыми, тяжелыми хлопьями, скрывая мир в белой пелене.

Внизу, во дворе, горели факелы. Капитан Бертран строил в шеренгу своих новых головорезов. Она видела, как он рычит на них, как они подчиняются его рыку мгновенно. Это была ее армия.

В порту, невидимые в темноте, плотники уже наверняка начали расчищать место под новые верфи. Это был ее флот.

В кабинете на столе лежала карта Зейна. Это были ее торговые пути. Она была в безопасности. Она была сильна. Но слова Моргота ледяным червем вползли в душу. «Твои катапульты не остановят дракона».

Дарья поежилась, хотя в комнате было жарко от камина. Она подошла к секретеру, выдвинула ящик и достала стальную иглу. Она сжала ее в кулаке, чувствуя, как холодный металл впицается в кожу. Игра менялась. И кажется, правила снова собирались переписать без ее участия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.